

КОРОКОДИЛ

Рис. Ю. ГАНФА

Стал учиться Форестолл,
Сел, задумавшись, за стол.
Маркса—Энгельса читает —
Ничего не понимает.

С древнегреческих небес
Правит Грецией Зевес:
Что советники ни скажут,—
Он поддакивает: «Иес!»

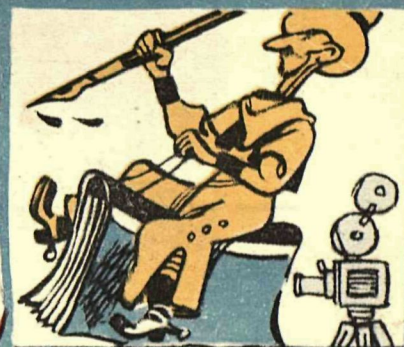
Текст Эмиля КРОТКОГО.

Говорят, земля кругла, —
Кто о том не слышал!
Миколайчик возвратился
В пункт, откуда вышел.

Некто Черчилля просил:
— Если вправду любите,
Не хвалите слишком
громко,—
Вы меня погубите!

Бирис—работник Голливуда,
В этом нет большого чуда.
Пусть, «ковбойничает», Но—
Бирис министром был!
Чудно!

Взволновался Рамадье,
Прокричал в истерике:
Демократии «адые»,
И «гудбай» Америке.

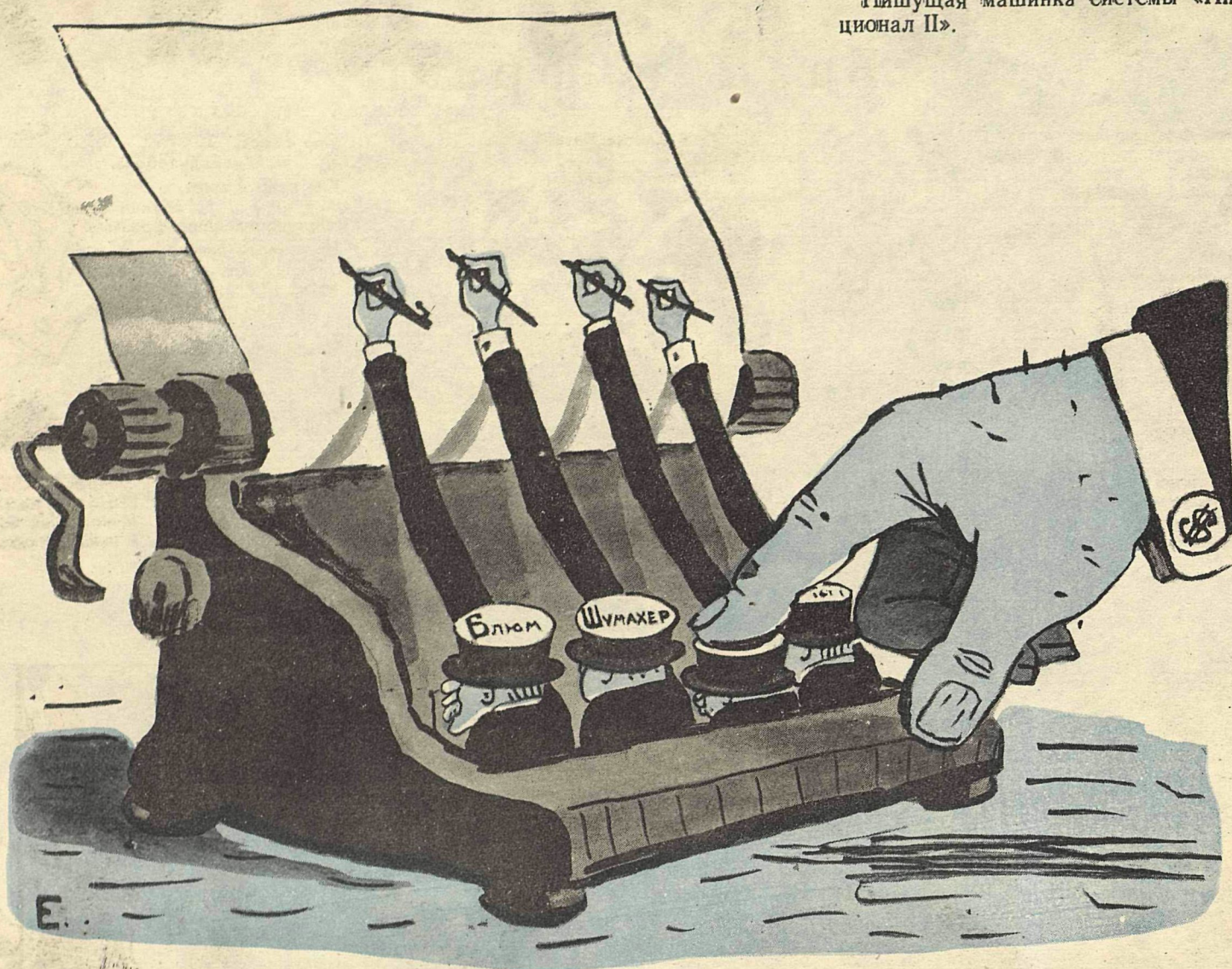

ЮП
47

Охраняет Новый Свет
Старый атомный секрет...
Впрочем, петь частушку эту
Никакого смысла нету
И секрета... тоже нет!

Даллес гнал, чтоб поскорее
Резолюция прошла,
Что не следует Корее
Лезть... в корейские дела!

НА ПРИЕМЕ

— Здравствуйте, мистер!
 — Здравствуйте, пане Миколайчик! Садитесь, коли пришли. Как поживаете?
 — Ничего. Вашими молитвами. А как вы?
 — Слава богу. Тоже вашими молитвами. Ну, что скажете?
 — А что говорить? Всё ясно.
 — Ну, не совсем ясно. Вы должны ещё дать нам объяснения, пане Миколайчик, отчитаться надо.
 — А что я должен вам объяснять, мистер? Может быть, вы мне кое-что объясните?
 — Пане Миколайчик, не забывайте, что вы уже не министр, и не вы у нас, а мы у вас должны требовать объяснений.
 — Извините, мистер. Но что, собственно, вам непонятно?
 — А вот именно это и непонятно: почему вы уже не министр? Зачем же мы послали вас в Польшу два с лишком года назад?
 — Это вы лучше, чем я, знаете, зачем послали.
 — Мы вам поверили, Миколайчик. Вы говорили, что за вами весь польский народ. Вы ввели нас в заблуждение.
 — Будьте справедливы, мистер. Ведь вы говорили, что Англия нам поможет.
 — Мы вам помогали, чем могли. Сами знаете.
 — Да-с, чем могли... Спасибо.
 — Будьте и вы справедливы, Миколай-

чик. Мы верили, что вы сила в Польше. Я не хочу сказать, что вы нас обманывали. Но вы сами обманулись.

— Так ведь и я верил, что вы сила. Это верно, я обманулся.

— Поймите, Миколайчик, не могли же мы воевать с Польшей из-за вас. Английский народ не позволил бы нам. И вообще... Поставьте себя в наше положение...

— Я сейчас потому и оказался в таком положении, что пытался поставить себя в ваше положение.

— Мы вас понимаем, пане Миколайчик. Понимаем и сочувствуем. Однако вы не забывайте, кто вы, а кто мы. Хотя мы и обманулись в вас, но мы вас не оставим.

— Благодарю вас. Конечно, где вы, там и мы. А где мы, там и вы.

— Да, да... А что вы собираетесь теперь делать?

— Как что? Буду представлять здесь для вас польский народ.

— Гм... Это хорошо. Представляйте. Представление — это всё-таки отвлекает от разных неприятных мыслей. Но я в другом смысле спросил, что вы намерены теперь делать? Чем думаете заняться? Какую, то есть, хотите избрать честную профессию?

— Я вас не понимаю, мистер. Когда я бежал с вашей помощью из Польши, я не сомневался, что снова буду в Лондоне министром польского эмигрантского правительства. Это же и есть моя профессия.

— Н-да... видите ли... Пожалуйста, будьте хоть президентом. Хотя тут уже есть другие такие. Но не скрою от вас, времена не прежние: трудности у нас, американцы прижимают, всюду сокращение штатов, мы вынуждены сокращать нашу агентуру. Дороговизна тоже... Мы бы и рады содержать всяких, так сказать, президентов и министров, но английский народ вас не одобряет... Слушайте, не лучше ли вам в Америку перебраться?

— По-ни-ма-ю! Значит, ели-пили — курявчиком звали; попили-поели — прощай, шелудяк!

— Нет, почему же... Вы ещё можете пригодиться. Шелудяки тоже бывают полезны. Вы не обижайтесь, пане Миколайчик. Мы сами на американском пайке сидим. Я в ваших же интересах, ей богу!.. Тут у нас много безработных, министры тоже... А зима на носу, угля мало... Вот в Чили, например, хоть голым ходи. Климат какой, нравы какие!

— Ясно. Эх, дурака я сваял. В кого поверил? На кого понадеялся?

— Ну, ну, Миколайчик, не впадайте в отчаяние. Вы верили в нас, мы верили в вас. Вместе валяли, вместе и вывалялись. В общем, в расчёте. Пока.

— Пока ли?

— Не знаю, пане Миколайчик, не знаю. Все мы пока.

Подслушал
 ДЖОН ПИЖОН, обозреватель.

Базы и фразы

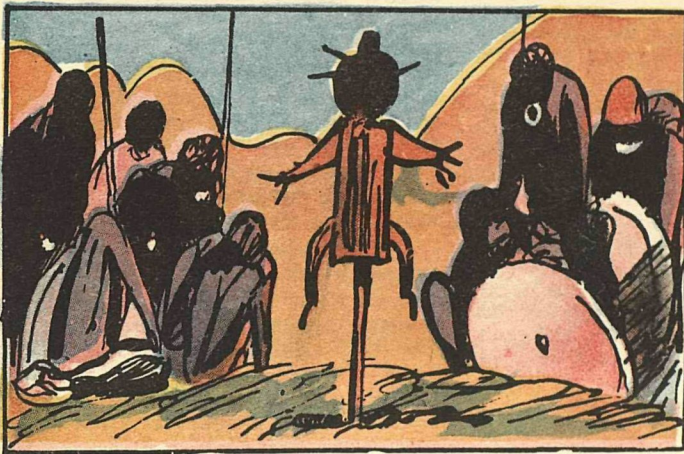
Раскрой газетный лист —
и сразу
увидишь:
янки строят базу.
Исландцы плачут:
«Остров сбазили!»
Где мы?
На рынке ли?
В лабазе ли?»
У дяди Сэма
жадный глаз:
он хочет
очень много баз!
Быть может, для гастролей джаза
ему нужна

в Аляске база?
Зачем такое
многобазие?
Намаз
творить аллаху в Азии?
А может,
нужно столько баз
для наблюденья
лунных фаз?
Увы!
Не постигает разум
столь жадного
стремленья к базам!
А дядя Сэм
щетиной баз

уже оброс,
как дикобраз.
Как лавр и мирт,
обвили базы
миролюбивейшие фразы.
Но серным запахом
как раз
несёт
от этих самых баз.
Скажите,
милый дядя,
разве
нельзя прожить
без базобразий?

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТОВ

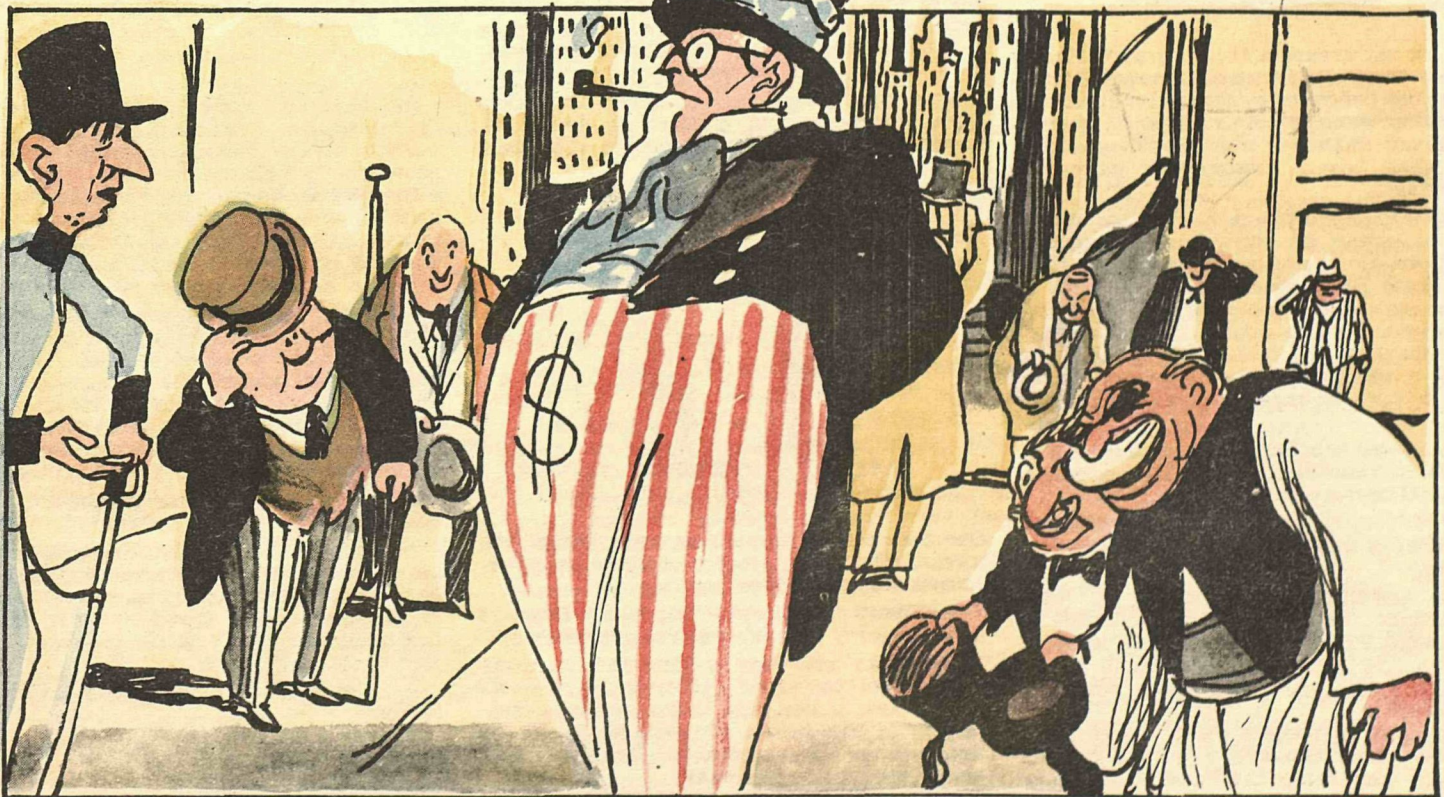
Рис. Л. ВРОДАТЫ

Идолопоклонники.

Огнепоклонники.

Долларопоклонники.

Стратона улыбка

ВЫ, конечно, слышали имя Гарольда В. Эльворти? Да, да, это тот самый профессор Эльворти из университета Фернли в Калифорнии, который выпустил нашумевшую книгу «Тигр над Тихим океаном».

Профессор Эльворти, как вы знаете, — востоковед, специалист по японской культуре и известен как вполне беспристрастный, объективный учёный. В своей книге, если помните, он требовал, чтобы атомное оружие применялось только «как моральный стимул».

Он считал, что двух атомных взрывов в Хиросима и Нагасаки, достаточно для того, чтобы семьдесят миллионов населения Японии пошли по пути, «предначертанному традициями американской цивилизации».

Нет ничего удивительного в том, что очень толстые люди страдают от жары. Вы можете представить себе крупное туловище Гарольда В. Эльворти на переднем сиденье большого «паккарда». Он одет в белую рубашку с короткими рукавчиками и короткие штанишки, оставляющие колени голыми. На голове у него белый тропический шлем, в руках веер, которым он лениво обмахивается. Рядом с мистером Эльворти, за рулём машины, сидит мисс Маргарет Белл.

Вряд ли вы знаете мисс Маргарет Белл. Она тоже носитель англо-саксонской цивилизации, но работает она, если так можно выразиться, «по другой линии». Её основной задачей является пропаганда религиозных идей секты унионистов камеронского толка.

Можно сильно опасаться, что вы никогда не слышали об унионистах камеронского толка. Но это не имеет никакого значения Мисс Белл убеждена, что внести в Японию светоч англо-саксонской цивилизации можно только одним путём — немедленно обратить все семьдесят миллионов японцев в унионизм камеронского толка. Иначе Япония попадёт в руки коммунистов и...

Итак, профессор Эльворти и мисс Белл ехали в автомашине, и всё это происходило в городе Нагасаки, в Японии.

Мисс Маргарет мало страдала от жары и даже совсем не пользовалась веером. Она говорила:

— Вы занимаетесь Японией? О, Япония — страна улыбок, не так ли? Всё у них забавно, курьёзно... Самураи.. микадо, хакари... И деньги у них такие дешёвые!.. Как жаль, что у них было так мало демократии!

Профессору Эльворти было очень жарко. Он не хотел спорить и сказал кротко:

— Да, у них было слишком мало демократии, мисс Маргарет. Вобразите себе родителей, которые продают свою юную дочь на фабрику, это вовсе не считается торговлей детьми!

— Вот, вот! — с энтузиазмом воскликнула мисс Маргарет. — Я только что хотела об этом сказать. Я с наслаждением прочитала вашу книгу. И поверьте, профессор, я ещё подумала: как счастлива должна быть подруга жизни такого объективного человека!

— Гм, видите ли, мисс Маргарет, — несколько смущённо заметил профессор, — я не могу скрыть от вас, что я, собственно говоря, холост..

— Но вы ещё не стары, профессор, — сказала Маргарет, — а принципы религии благословляют союз мужчины и женщины. Если бы вы были унионистом камеронского толка...

— Гм, — сказал профессор, усиленно действуя веером, — не будем поднимать этот вопрос...

Но тут разговор неожиданно прервался: мисс Маргарет резко затормозила машину.

Они находились на узкой улочке, обвешанной целым лесом вертикальных вывесок, возле ворот завода «Кюсю Сикки Когии», про который в новейшем справочнике для военных сказано, что он изготавливает «знаменитую лакированную посуду», а до капитуляции производил деревянные планеры для армии. Возле лавчонок суетились маленькие женщины в тёмных халатиках. Вдруг одна из них, перебежавшая через улицу перед самым радиатором «паккарда», странно покачнувшись, уронила коробочку с завтраком и повалилась на бок.

— Боже! — закричала мисс Маргарет. — Несомненно, эта женщина готовится произвести на свет дитя!

Но мисс Белл ошиблась. Работница О-Юки не готовилась к такому событию. Когда она очнулась от обморока в задней комнате одной из лавчонок, она объяснила слабым голосом, что у неё в жизни произошла «небольшая неприятность».

Три года назад она, О-Юки, лишилась отца, погибшего на фронте. И тут к её матери явился некто господин Китаёма.

Это был очень добрый человек. Зная, что мать О-Юки осталась без средств, он предложил ей подписать договор.

— Какой договор? — спросила Гарольд В. Эльворти, доставая записную книжку.

По этому договору О-Юки должна была поступить на завод «Сикки Когии» на шесть лет, в цех, где окрашивались планеры. За это время её мать получала по две тысячи иен ежегодно. По истечении срока договор терял силу.

После капитуляции завод перестал производить планеры и вернулся к «лакированной посуде»... по крайней мере, официально. Как таковой он не попал в список

военных предприятий и не подлежал демонтажу. Но с некоторого времени на завод приехали американские инженеры, и завод начал производить «что-то», от чего девушки в цеху О-Юки умирали одна за другой...

Профессор потемнел:

— Что бы это могло быть?

— Не знаю, данна-саи, — грустно сказала О-Юки, — но, наверно, это делают для войны, потому что у нас каждый день бывают похороны. Но раз так приказано... и вдобавок договор нельзя расторгнуть...

— Почему?

— Я должна заплатить неустойку в размере четырёх тысяч иен, — сконфуженно пролепетала девушка, — а я никогда не видела таких денег, данна-саи...

— Пуфф, — сказал профессор, — и это всё? Мисс Маргарет, я обращаюсь к вам. Эту девушку надо спасти!

— Мой бог, — проговорила мисс Маргарет, — я ничего не понимаю. Объясните мне, профессор, что я должна делать?

— Вряд ли сумма в четыре тысячи иен покажется вам крупной.

— О нет! Если вы говорите...

— Вы должны уплатить неустойку этому японскому господину!

Мисс Белл вытащила из сумки чековую книжку и перо с таким видом, как будто она бросалась в костёр, чтобы умереть за цивилизацию.

— Но во имя всего святого, профессор, — сказала она, — что делают на этом ужасном заводе?

— Я это узнаю, — зловеще ответил профессор Эльворти, — откуда? О, не беспокойтесь, мисс Маргарет, я узнаю это у Боба Кеннеди!

* * *

Вы не знаете Боба Кеннеди? Это не удивительно. Его немногие знают, за исключением, может быть, работников штабной разведки Боб Кеннеди — врач, проживший в Японии двенадцать лет и интернированный во время войны. Его почти всегда можно найти в баре для белых при офицерской гостинице, где он изобретает коктейли и, кажется, пишет воспоминания.

Говорят, что Боб Кеннеди знает лучше всех закулисную жизнь промышленников «страны улыбок» за последние двенадцать лет. Многие дорого бы заплатили, чтобы приобрести его бумаги, но он их никому не показывает и собирается уничтожить перед смертью, которая, по его словам, последует от перепоя.

На деловые вопросы профессора Эльворти он отвечал не сразу.

— Видишь ли, старина Эл, — проговорил он, мечтательно накладывая горчицу в новоизобретённый коктейль, — я противный, обрюзгший циник С тех пор, как мы с тобой окончили колледж, прошло много лет... Всё блеф, мой друг!

— А откуда эти смертные случаи на заводе?

— Нет ничего проще: под видом «лакированной посуды» испытываются какие-то вещества, в которых я ни черта не понимаю, но от которых люди мрут, как от чумы. Не лучше ли, чтобы при опытах подыхали жёлтенькие девочки, чем белые джентльмены? Ясно?

— Ты убежден, что это так? — спросил профессор, деловито вытаскивая записную книжку.

— Абсолютно! Записывать не надо.. Я могу прибавить, что глава этой фирмы во время войны переписывался с господином по фамилии фон Шахт. А после войны он стал писать в Штаты господину по фамилии Дюпон. Впрочем, кажется, я ошибаюсь: ещё во время войны переписка велась по обоим адресам.. Выпьём?

* * *

Конечно, вы не знаете господина Китаёма. Это пожилой мужчина, из тех, которые внешне похожи нето на дипломата, нето на агента по продаже пылесосов. Он сидел за огромным письменным столом в огромном резном кресле и говорил бархатным баритоном, блистая при этом ослепительной улыбкой:

— Видите ли, мадам и сэр, наша фирма существует семьдесят три года. Наши ла-

кированные изделия известны каждому туристу. Солидность нашей фирмы подтверждается ещё тем, что и после капитуляции...

— Сколько? — отрывисто спросил профессор Эльворти.

— Виноват... если вы изволите говорить об этой девушке, то... впрочем...

Господин Китаёма позвонил и, улыбаясь, сказал вошедшему секретарю:

— Потрудитесь доставить из картотеки по делам рабочих карточку девушки по имени Сасабэ Юкико, которую зовут также О-Юки.

Секретарь принёс глянцевиую карточку, покрытую изящными иероглифами.

— Принимая во внимание стоимость питания и прочее... эта девушка, если так можно выразиться, стоит шесть тысяч двести двадцать три иены...

— О-кэй, — сказал профессор, — мисс Белл платит немедленно.

Господин Китаёма был несколько озадачен. Он сел в кресло и подставил голову под вентилятор.

— Июльский зной обилён грозами, приносящими покой и прохладу, — заметил он.

— Сколько? — спросил профессор.

— Работницу, прослужившую у нас три года и, возможно, имеющую представление о некоторых... производственных секретах, я, к сожалению, не имею права уступить без разрешения правления нашей фирмы...

— Сколько? — упорствовал профессор.

— Видите ли, трудные времена и большие налоги, которые мы...

— Сколько? — повторил профессор.

— Гм, исходя исключительно из дружественного отношения к представителям великой американской цивилизации... я думаю, восемь тысяч иен...

Когда гости ушли, господин Китаёма схватил телефонную трубку и соединился со штабом:

— Майор Вальдфогель? Осмелюсь беспокоить, это Китаёма... Погода имеет тенденцию существенно улучшиться, не правда-

ли? Надеюсь, что ваше уважаемое здоровье в полном порядке? Ко мне явились два весьма высокочтимых и знаменитых лица — профессор Эльворти и мисс Белл — и пожелали выкупить и вывезти в Америку девушку из нашего цеха № 2... зовут Сасабэ Юкико... Вот именно... Счастливы быть понятым вами... До свиданья!

* * *

Ручаюсь, что вы не имеете никакого представления о майоре Генри Вальдфогеле. Майор Вальдфогель является «спокойным», то есть представителем учреждения, которое заведует делами приезжих.

Майор Вальдфогель принял профессора Эльворти отдельно от мисс Белл. Когда профессор уселся в кресло и привёл в движение свой веер, майор посмотрел на него своими белесыми, пустыми глазами и показал ему издала интервью, напечатанное в одной из японских газет:

— Это вы наболтали?

— Вы можете говорить так с кем угодно, кроме профессора Эльворти, — ответил профессор.

— Кроме вас? Да? — сказал майор. — Ну, хорошо.. Сколько?

— Принцип есть принцип, майор! Я сказал в этом интервью, что мисс Белл собирается вывезти эту японку в Штаты и что нравы японцев должны измениться. Пока я больше ничего не сказал. Но я мог бы сказать гораздо больше!

— О, вы могли бы, да? — отозвался майор. — Ну, сколько?

— Я мог бы сообщить кое-что о том, что изготавливает завод «Сикки Когио»! Мне это известно.

— Известно? Да? — сказал майор. — Сколько?

— Я рад, что вы заметили это интервью. Это поможет вам понять, какой компрометирующий материал у меня имеется!

Майор Вальдфогель подумал, затем взял со стола запечатанный конверт и протянул его профессору.

— Здесь чек на 20 тысяч долларов, — сказал он, — дороже не могу. За «Тигра» вам заплатили дешевле.

Странная улыбка вдруг озарила лицо профессора Эльворти. Это была таинственная улыбка, необыкновенная по своей длительности. Он как будто пытался что-то сказать, но раздумал. Затем он профессиональным жестом ухватил конверт и отправил его во внутренний карман. Толстое лицо его после минутной вспышки мгновенно приобрело снова выражение солидной значительности.

— Ужасно жарко! — сказал он, обмахиваясь веером.

— Жарко? Да? — повторил майор. — «Президент Монро» уходит сегодня в шесть часов пополудни. Место вам заказано.

Профессор встал.

— Прощай, «страна улыбок»! — проговорил он. — Всего хорошего, майор!

Он вышел. Через час в том же кресле перед майором Вальдфогелем сидела мисс Маргарет Белл.

— Здесь существует известный вам закон, — говорил майор, — по которому американцы не имеют права вмешиваться в частную жизнь японцев и наоборот. Девушка останется здесь. «Президент Монро» уходит сегодня в шесть пополудни. Место вам заказано.

— Позвольте, майор! — воскликнула мисс Белл. — Я не могу уехать! Профессор Эльворти...

— Профессор? Да? — сказал майор. — Итак, место вам заказано.

— Позвольте! — возмущённо закричала мисс Белл. — Но я никак не могу уехать! Профессор... он... он сделал мне предложение!

— Сделал? Да? — сказал майор. — До шести вечера можно обвенчаться трижды. И так...

— Невозможно! — простонала мисс Белл, срывая с себя очки. — Это ужасно.. Он... он католик!

При этих словах мисс Белл закрыла глаза платком.

— Католик? Да? — бесстрастно отозвался майор. — Не вижу никаких препятствий.

— Как?! Он признаёт римского папу!

— Папу? Да? — повторил майор. — Не вижу никаких препятствий.

Он снял телефонную трубку и набрал номер:

— Отец Мартинелли? Это майор Вальдфогель. Слушайте, падре. Некто мисс Белл, погрязшая в ереси, желает немедленно принять святую римско-католическую веру. Сколько это может занять времени? Пятнадцать минут? Благодарю вас. Ещё один вопрос: можете вы окрестить и обвенчать мисс Белл с мистером Эльворти на борту парохода? «Президент Монро» уходит в шесть пополудни. Благодарю вас... О, не беспокойтесь, падре, невеста может уплатить любую сумму. О-кей!

Когда майор положил трубку, мисс Белл лежала в глубоком обмороке.

Майор позвонил и сказал вошедшему лейтенанту:

— Слушайте, Хэнки: помогите этой даме и, когда она придёт в себя, передайте ей мои поздравления.

* * *

Вы не знаете, как выглядит вилла миссис Маргарет Эльворти в Вермонте? Но вы можете представить себе террасу, увитую плющом. Оба супруга любили летом посидеть возле стола, уставленного напитками.

Миссис Эльворти энергично взбалтывала какую-то смесь, а мистер Гарольд Б. Эльворти читал письмо, полученное из Сан-Франциско:

«...Привет тебе из «страны улыбок», от старого Боба Кеннеди! Пользуюсь случаем, чтобы передать это письмо надёжному человеку, который отправит его тебе из Сан-Франциско, потому что мои письма здесь все просматриваются.. Помнишь маленькую работницу из «Сикки Когио», по имени О-Юки? Сразу же после твоего внезапного отъезда она скоростно скончалась при невыясненных обстоятельствах. Впрочем, ей ещё повезло, потому что через месяц на этом заводе произошёл необъяснимый взрыв, который стоил жизни шестидесяти работницам... Зная твою чувствительную натуру, я думаю, что это тебя успокоит. Впрочем, ты же беспристрастный, неподкупный учёный, и я думаю, что ты поверишь, если я сообщу тебе, что, по словам майора Вальдфогеля, этот взрыв является результатом «диверсии красных» Про себя я могу добавить, что меня никогда не выпустят из Японии. В последнее время ко мне приставили какого-то идиота в штатском, который не сводит с меня глаз. Мне доставляет особое удовольствие писать это письмо в его присутствии. И так...»

— Гм, — пробормотал мистер Эльворти, — насколько я понимаю, отвечать на это письмо не следует...

В греческом городе Миссалонги, куда в 1823 году прибыл английский поэт Байрон, принимавший участие в освободительной борьбе греческих партизан с чужеземными оккупантами, ныне выстроен концентрационный лагерь.

Это было в Миссалонги,
где гудит эгейский вал.
В час ночной патруль английский
незнакомца задержал.
Был он сумрачен и бледен,
чуть заметно он хромал.
«Партизанские приметы —
в лагерь!» — капитан сказал.
Но стоит угрюмый пленник
тёмен, как Эпира ночь,
И сдержанную глухую ярость,
видно, пленнику не в мочь —
Он рванул у горла ворот:
— Прочь, враги свободы! Прочь!..
Век назад мой бриг надёжный
гордо пересёк моря,
Чтобы бросить в Миссалонги,
в бурной бухте якоря,
Чтоб скорее над Пиреем
сгинул мрак, зажглась заря!
Грозной лавой сулиотов
шли мы, ружья обратив
Против псов, что тут царили,
светлый край поработив,
Горы Пинда, доли Пеллы,
Патры солнечный залив.
Позабыв продажный Лондон,
славил я эгейский вал,
Я свободу для народа-
чужестранца добывал
И за честь его и волю
на гранит холодный пал...
Но сегодня спать в могиле
я не в силах от стыда,
Из Ньюстедского аббатства
я пришёл сквозь ночь сюда,
Где опять горят деревни
и пылают города,
Где британцы вкупе с янки
строят смерти лагерь,
Где заморский крейсер «Бьюты»
бросил в бухте якоря,
Где не пурпуром, а кровью
детской вымокла заря!
Только верю, знаю, вижу —
кончится тиранов ночь,
Вашу наглую ораву
вышвырнут с позором прочь,
От тюремщиков кровавых
отвернутся сын и дочь.
А от Байрона примите
вы проклятье на века! —
И в батистовом манжете
описала круг рука —
И зажглась зари краснее
капитанова щека...
Хоть ни «Таймс», ни «Дейли геральд»
не писали про скандал,
Но клянусь вам это было
в Миссалонги возле скал,
Где грознее час от часу
бьёт в гранит эгейский вал!..

ПРИСТЛИ И АМЕРИКАНСКИЕ ГОСПОДА

Недавно известный английский писатель Пристли повёл разговор с американскими капиталистами.

«Из-за вас тревога охватывает весь мир», — гневно бросает он в лицо американским вершителям судеб.

Они, эти заокеанские толстосумы, хотят навязать всему миру «американский образ жизни».

«Но если этот образ жизни так хорош и даёт такое большое удовлетворение, почему же американские мыслители, художники, публицисты и другие кажутся столь глубоко недовольными, столь разочарованными, почему в них столько горечи? Никогда, например, американская литература не была проникнута таким пессимизмом, как теперь. Почему при таком замечательном образе жизни люди так несчастны?»

Пристли потрясён скудоумием американских господ:

«Вы хвастаетесь яркими огнями, роскошными автомобилями, чулками для девушек, ростбифами и сливками на обед, виски в количестве, ограниченном только вашими карманами. И всё же вы никогда не показываете нам того, что гораздо важнее, а именно состояние ума, которому следовало бы завидовать. Напротив, всё указывает на такое состояние ума, которое должно вызывать жалость».

Для Пристли очень тягостна мысль о зависимости Англии от разжиревших американских капиталистов.

«Представьте себе наши чувства! — восклицает он. — Это всё равно, что быть запертым в одном доме с капризным пьяным гигантом».

Капризный пьяный гигант — это не то! Обезумевший от неслыханных прибылей хищник — вот будет точнее! Но главное не в этом. Главное, кто же вас и ваших соотечественников, г. Пристли, запер в одном доме с хищником?

СПОРНЫЙ ВОПРОС

Японская газета «Ниппон таймс» сообщает, что центральная комиссия по чистке, возможно, подвергнет чистке министра без портфеля Хейна Хаяси за его литературную деятельность в годы войны. Его книги, выпущенные во время войны, — «Япония — движущая сила мира» и «Заря новой мировой эры» — считаются... спорными.

В редакции «Ниппон таймс», очевидно, спорят до хрипоты о том, проиграла ли Япония войну. Говорят, что и Макартур не в состоянии разрешить этот мучительный спор.

БОЖЕСТВЕННЫЙ СТРАХ И ДЕМОКРАТИЯ

Корреспондент американского агентства Ассошиэтед пресс Рассел Брайнс пишет, что многие американские официальные представители желают, чтобы японский император оставался на троне.

Они полагают, что император много сделал для демократизации Японии.

Рассел Брайнс признаёт далее:

«Божественный страх, который одно время проявляли японцы к императору, до некоторой степени ослаб, однако он ещё достаточно силен для уважения императора».

Как видите, по мнению мистера Брайнса демократия неразрывно связана с божественным страхом.

М. ЯНКО

ТАМБОВСКИЙ ПЛЕМЯННИК

— Я люблю ездить в командировки в Тамбов. Почему? А потому, что хочу остаться честным человеком Закурить можно?..

Получив разрешение, посетитель неспеша задымил и, сделав молча несколько глубоких затяжек, продолжал:

— Вас, конечно, удивляет моё странное заявление о Тамбове. Дескать, вот, мол, город праведников — и я туда, как правоверный в Мекку, еду очищаться от земных грехов и набираться небесной благодати.

Разумеется, я так не ставлю вопрос.

А всё дело в том, что в славном городе Тамбове проживает мой любимый дядюшка Евгений Кузьмич Крылечкин со своей законной супругой, а моей драгоценной тётушкой Клавдией Петровной. Чудесные старички, доложу я вам по чистой совести!

Опять-таки не хочу, чтоб вы меня превратно поняли: дескать, эти милые старички так благотворно на меня влияют по морально-бытовой линии, что я, слабый человек, стремлюсь почаще встречаться с ними, дабы отвлечь свои стопы от стезей кривых и неправедных. Простите, что я вдруг впал в такой торжественный стиль. Это так себе... в шутку.

«Ага! — думаете вы. — Всё понятно. По всей вероятности, милая тамбовская тётушка, большая стряпуха и рукодельница, готовит для своего дорогого племянника, дай ему бог здоровья, какие-нибудь особенные пышки или растегаи. Дескать, сей вкусный жарч и влечёт его неведомой силой в город Тамбов».

Вы неправы, дорогой товарищ, в своих догадках. Тётя Клава действительно относится ко мне по-родственному: тепло и сердечно. Насчёт пышек или растегаев ничего не скажу, но вареники она делает — уму помраченье. И всё же не варениками чарует мою душу город Тамбов.

Тем более, что уже в самом начале, если помните, я вам подчеркнул: люблю поездки в Тамбов, ибо хочу остаться честным человеком, с незапятнанной репутацией.

А вот этого, к величайшему моему шри-скорбию, я не всегда могу добиться, если буду ездить в командировки во Владимир, Кострому или, скажем, в Вологду.

Вот тут-то, дорогой товарищ, я и приближаюсь к затронутому вопросу о Тамбове. Конечно, сейчас бы самый раз процитировать: «Тамбов на карте генеральной кружкой отмечен не всегда». Хотя сие и соблазнительно, но я этого делать не буду и, минуя всякие классические цитаты, перейду прямо к делу.

Я только-то упомянул про Владимир, Кострому и Вологду. Не поймите меня худо, ради всего святого. Коснулся я этих городов не в осуждение. Города прекрасные. И я к ним на сегодняшний день не имею никаких жалоб и претензий.

Но в поименованных областных центрах, в отличие от Тамбова, нету у меня ни дяди, ни тётки, и я вынужден там останавливаться в гостиницах.

Опять-таки не подумайте, пожалуйста, чего-нибудь плохого: дескать, я неодобрительно отзываюсь о владимирских гранд-отелях, костромских метрополях и вологодских асториях. Нет, ничего я против них не имею.

А имею я жалобу на Министерство коммунального хозяйства РСФСР.

Вот послушайте и рассудите, прав я или нет. Мне по роду моей службы приходится часто ездить в командировки на периферию. Таких, как я, плавающих и путешествующих командировочных, — десятки тысяч.

Заранее соглашусь с вами, если начнёте толковать о ненужных командировках, производительных расходах, о толкачах, ловкачах и прочих, созданных по их образу и подобию.

Отбросим их в сторону: это совсем другая тема, и я сейчас не намерен её затрагивать. Поговорим о честных товарищах, о работягах, мыкающихся по путям командировочным.

Вот я приезжаю, к примеру, в город Сызрань. Это, обратите внимание, районный центр. Приезжаю и прямо с вокзала направляюсь в местную «Европу».

А по существующим правилам я в Сызрани как районном центре, имею право платить за номер в гостинице не более 5 рублей. То есть платить я имею право и 25 целковых, но из своего кармана.

Меж тем, в Сызрани даже опытные старожилы не запомнят такого номера в гостинице — за 5 рублей.

Уезжаю я из Сызрани в Саратов. Это областной центр. Приезжаю и прямо с вокзала направляюсь в местный «Савой».

А по существующим правилам я в Саратове как областном центре имею право платить за номер в гостинице не более 7 рублей. То есть платить я имею право... Ну, вы сами понимаете.

Правда, по счёту я могу платить и 15 рублей. Но в том-то и дело, что в Саратове (или Владивостоке, Новосибирске, Киеве, Тбилиси, Казани) нет номеров ни за 7, ни за 15 рублей.

А республиканские министерства коммунального хозяйства думают, что так и должно быть. Особенно у меня большие нарекания на Министерство коммунального хозяйства РСФСР. Потому что мне лично приходится большей частью иметь дело именно с его отелями, где цены на номера имеют, как говорят серьёзные докладчики, неуклонную тенденцию к росту.

Что же в основном получается? Дают мне пятёрку и говорят: найми номер за двадцать, а сдачу оставь себе...

Но шутки в сторону: где же я должен взять остальные пятнадцать?

Одни командировочные — делать нечего — докладывают из своего кармана. Другие же (все эти толкачи и ловкачи) совершают разные махинации, приписывают дни командировок и т. д.

Я же хочу остаться честным человеком и в то же время не хочу докладывать из кармана. Когда я бываю в Тамбове и ночую у дядюшки и тётушки, я с чистым сердцем пишу в отчёте, что гостиницей не пользовался.

Вот почему я себя чувствую легко и прекрасно, когда меня посылают в командировку в Тамбов. Не хочу никуда — только в Тамбов!

Г. РЫКЛИН

ПО ПРАЗДНИКАМ

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Вы регулярно избу-читальню убираете?
— Да. К каждым выборам.

БЕДНЫЕ НОСОРОГИ

Нам известно, как относятся носороги к тому, что их родиной является Африка. Ни жалоб, ни нареканий по этому поводу с их стороны до сих пор не поступало. Но редакцию «Казахстанской правды» почему-то не устраивает такое местопребывание почтенных зверей. Поэтому она решила переселить их куда-нибудь в другое место. И вот из заметки «Новые звери в зоопарке», напечатанной в № 210, мы узнаём:

«Получена группа сибирских носорогов».

Не иначе, носороги чем-то насолили «Казахстанской правде» и редакция решила перебросить их в холодную Сибирь.

СОВЕСТЬ И ГУРСКИЙ

КСТАТИ, О БОЛТУНАХ

Рис. К. ЕЛИСЬЕВА

— Т-сс!.. Ничего не говорите в присутствии этого яйца. Это болтун.

О СОВЕСТИ мы скажем позднее. Поговорим прежде о тов. Гурском.

Живёт Гурский на Краснореволюционной улице в городе Черикове, Могилёвской области, по соседству с Валентиной Львовной Королёвой. Подробный адрес и даже фамилию соседки мы указали не напрасно. Все эти координаты играют в нашем рассказе немалую роль.

Работает Гурский в местном леспромхозе на приметной должности...

Мы уже заметили разочарованное лицо читателя. Видим, как потянулась его рука, чтобы перевернуть страницу. Слышим мы недовольный голос: «Знаем, знаем, о чём дальше пойдёт речь. Не раз читали о лесных делах. Отстаёт, наверно, Гурский по заготовке-вывозке, ил» за орсом недогляд, или культурно-массовое обслуживание на самотёк пустил, а может быть, ещё что-нибудь недоглянул и невыполнил. Начнут сейчас Гурского за всё это предавать осмеянию по первому разряду»

Нет, дорогой читатель, у Гурского всё в полном порядке. Заготовка от вывозки не отстаёт, в орсе все отходы в установленной норме. Культурно-массовые мероприятия у Гурского тоже не в заблуждении. На беседы он, согласно занимаемой должности, не ходит, но зато на собраниях присутствует обязательно. Каждый раз его, соответственно занимаемой должности, избирают в президиум.

Случается, что и сам он выступает с докладами.

Боже мой, как он говорит! Слов не хватает, чтобы передать всю силу и красоту его речи!.. Цицерон, и тот, наверно, перевертывается от нестерпимой зависти

Особенно любит выступать Гурский на гуманитарные темы, держать в центре внимания не бездушные предметы, а самого творца жизни — человека...

Боже мой, как говорит Гурский о человеке!

Отбыв положенные по службе часы, уходит Гурский к себе на квартиру по вышеуказанному адресу, по соседству с Валентиной Львовной Королёвой.

О главном предмете нашего рассказа — о совести — мы скажем попозднее. Поговорим прежде о соседке.

Идёт ей шестой десяток. Тридцать лет была учительницей. Вся жизнь отдала детям. Была замужем. Супруг Ефим Романович работал по лесному делу и был награждён орденом. В войну немцы сначала убили у Валентины Львовны мужа, а потом сожгли её дом. Согсем стало худо, но выручила Советская Армия. Правительство помогло восстановить домик.

Чуллом уцелел в войну небольшой фруктовый сад, выращенный покойным Ефимом Романовичем. Ухаживает вдова за яблонями да вишнями. Живёт тихо, скромно, никому не мешает.

Вот и вся её краткая биография.

А теперь поговорим о совести.

Переступив порог своей квартиры, Гурский кладёт на привычное место портфель, в котором среди деловых бумаг лежат и тезисы доклада. Затем он снимает пиджак, в котором хранится драгоценный документ.

Боже мой, что проделывает Гурский над конкретной, так сказать, отдельно взятой личностью!

Нехватает слов для передачи всех обид и оскорблений, высказанных им по адресу своей соседки. Один из сыновей Ноя, и тот, наверно, перевертывается от нестерпимого стыда.

Сначала Гурский просил отдать ему сад полюбовно. Потом стал угрожать и под конец «принял меры». В городском совете сначала ему заявили, что нет, дескать, для передачи сада вам никаких оснований.

Основания не нашлось, но нашлись какие-то данные. Дальше всё пошло как по песне: «Только знает ночка тёмная, как поладили они».

Однажды пришли в сад землемеры. Выпили для очищения совести по сто граммов очищенной и приступили к размежеванию.

И остались во владении Валентины Львовны только кусты крыжовника около забора да копия решения горсовета. Копия она и есть копия — варенья из неё не сварить!..

Вот говорят, что Гурский страдает раздвоением личности: хотя дома он такой и сякой, но зато на службе — ангел.

Не верим мы в таких ангелов. Не может же быть, чтобы совесть была, как автоматическая ручка, которую легко можно прятать в карман или в портфель и пользоваться ею только в служебном кабинете.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Батюшка Крокодил!

Заступись за меня, за беззащитную старуху. Говорят, будто я сама себя высекла. А кто говорит? Первый — городничий сказал. Так ведь он соврал по злобе своей и от страха. А за ним повторяют и другие. Вот и в «Комсомольской правде» товарищ Геевский пишет: «...оратор не оказался бы в незавидной роли унтер-офицерской вдовы из гоголевского «Ревизора», которая известна тем, что сама себя высекла» (25 октября 1947 года).

Неправда это, батюшка Крокодил! Поклёп это на ни в чём неповинную женщину. Никогда я сама себя не секла. Зачем бы я стала сама себя сечь? Этого и Гоголь не говорит. У него ясно сказано, что городничий меня высек. Это он, ирод, чтобы ему пусто было, сочинил, будто я сама себя высекла... Мало того, что высек, а ещё мораль на меня пустил, и товарищ Геевский повторяет! Нехорошо, товарищ Геевский.

И зачем товарищ Геевский моего мужа унтера похронил? Откуда он взял, что я будто бы вдова? У Гоголя прямо сказано: унтер-офицерская жена. Я могу, если надо, я справку принести. Заверенные Союзом советских писателей. Жена, а не вдова! И ежели я не помирала, как литературный персонаж, то и он не помер, как персонажный муж. Довольно вам стыдно, товарищ Геевский. Если уж удалось мне с мужем попасть в литературу, то мне от своего счастья неча отказываться. Повели, батюшка, Геевскому за ошибку заплатить штраф.

Извините, что беспокоила.

Персонажная пенсионерка,
жена унтер-офицера
(подпись неразборчива).

ДЯДЯ СЕРЕЖА И ЕГО ПОДШЕФНЫЕ ДЕТИ

Быть шефом — почётная обязанность. Но прибыльная ли она? Над этим проклятым вопросом два года бился директор конного завода Ставропольского края Сергей Захарович Кузнецов, шеф Александровского детдома, где воспитываются сироты погибших фронтовиков.

На третий год сами дети подсказали своему шефу выход из положения.

— Помогите нам, дядя Серёжа, вспахать несколько гектаров посевной площади.

— Боже мой, какие у меня умные подшефные малютки! — скрывая подступившие к горлу слёзы умиления, воскликнул директор и выдвинул трактор.

Выделил и в свою очередь потребовал, чтобы детдом выделил ему около 2 тысяч литров горючего и солидную толику муки, хлеба, картофеля, капусты, масла.

Запрос директора пришлось удовлетворить. Таким образом, дядя Серёжа легко и просто установил, что шефство — занятие отнюдь не убыточное.

Теперь уж можно не сомневаться, что с наступлением весенней посевной кампании 1948 года шефская деятельность Сергея Захаровича примет неслыханные размах.

ЛАКОМКИ

Сотрудники лаборатории Самаркандского фруктоконсервного завода достойны самого искреннего восхищения. В борьбе за поднятие качества продукции они буквально не щадят своих сил и здоровья. Подумать только: за девять месяцев 1947 года работники лаборатории выписали «для дегустации» около пяти тысяч банок варенья, джема и повидло. Иными словами, им приходилось в среднем съедать до двадцати банок сладостей ежедневно. И как только у них, бедняшек, заболели животы и зубы!

Пошадите себя, товарищи! Ведь это очень вредно для здоровья. Не говоря уже о том, что чрезмерное употребление сладкого очень вредит и производству.

МАСЛЯНА ГОЛОВУШКА

Это не про петушка, у которого, если верить детской песенке, к тому же ещё и золотой гребешок и шёлкова бородушка.

Масляной головешкой в Приволжском районе, Ивановской области, сльвёт мастер Новинского молочного завода Дурандина. Справедливость требует отметить, что Дурандина масляна вся — от головешки до пят.

«Благодаря разным махинациям Дурандина, — как сообщает нам директор Рождественской семилетней школы Н. Моро-

зов, — ежедневно получает в свой личный доход десятки килограммов масла. И всё сходит благополучно. Почему? Сама Дурандина откровенно признаётся: «Никого не боюсь: я всех подмаслила!»

И действительно! О проделках Дурандиной писала областная газета. Писала в язвительном тоне и предостерегала: «Сколько верёвочку не вей, кончик будет!»

После опубликования статьи на завод нагрянула комиссия. Дурандиной на этот раз не удалось умаслить комиссию. Чего не было, того не было. Дурандина напоила комиссию «молочком» в сорок градусов. И продолжает преспокойно вить верёвочку. А кончика что-то не видать.

ПРОТИВ ШАБЛОНА В ПОДБОРЕ КАДРОВ

Можно ли, имея образование в объёме четырёх классов начальной школы, стать лаборантом историко-географического и литературного кабинета педагогического училища? Каким образом восполнить недостаток в образовании?

На эти вопросы директор Сергачского педагогического училища Акилов авторитетно заявляет, что важен не образовательный ценз, а общественное положение.

Не беда, что у вновь принятой на работу лаборантки Ермолаевой всего четырёхклассное образование, зато она жена всеми уважаемого в Сергаче ответственного работника.

Интересно в таком случае, на какую должность могут претендовать у Акилова жёны ответственных работников областного масштаба?

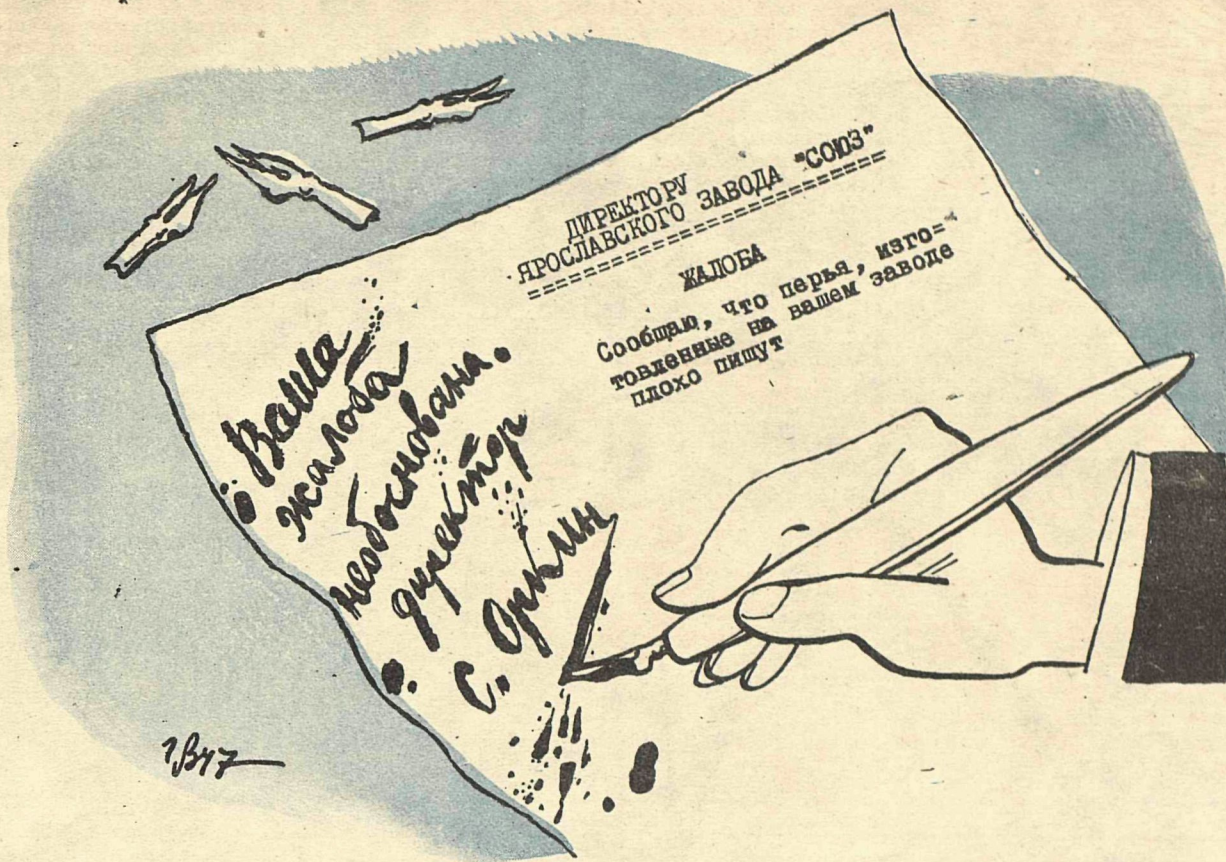
И СТРИГУТ И БРЕЮТ

Рис. В. ГОРЯЕВА

— В преискусанте у вас одеколон стоит три рубля, а вы почему-то берёте девять.

— У нас одеколон тройной.

Факт налицо.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Не встречался ли тебе в Москве директор Старокузнецкого плодовоощного техникума Гуцин? Он выехал для доклада в Министерство сельского хозяйства. Его легко можно узнать по следующей примете: он выехал не один, а с бочкой мёду.

За четыре месяца плодотворной работы в области плодовоощной науки Гуцин проявил блестящие способности в мёдоварении. Приготовленный из казённого мёда напиток оказался весьма высокого качества, что установлено на закрытых дегустациях в кабинете Гуцина.

Кроме того Гуцин доказал, что ему не чужд дух коммерции: он успешно реализовал для своих нужд 10 тонн картофеля, предназначенного для студенческой столовой.

Так что, если тебе встретится Гуцин, передай ему, пусть, так и быть, оставляет у своих приятелей из министерства бочку с мёдом. Но зато и сам с ними пусть остаётся. Слушатели техникума как-нибудь переживут эту разлуку.

С. ДАНИЛОВ

г. Старокузнецк.

Товарищ Крокодил!

Десятки курортников, возвращавшихся из Сухуми в Москву 31 октября, к ужасу своему, обнаружили, что в поезде № 14 вагона № 4 в

составе поезда не было вовсе, а в вагоне № 5 все места были заняты, хотя на руках у пассажиров были билеты именно в эти вагоны. После долгих уговоров пассажиров разместили, и они всю ночь до Сочи «нежно с морем прощались» в тамбурах и коридорах.

Зато иные, менее поэтически настроенные особы, не имея никаких билетов, преспокойно почивали в купе.

Тебя интересует, как реагировал на этот церемониал начальник поезда Широков? Могу сообщить, что Широков всю дорогу был зело опьянён субтропическим солнцем и другими хмельными дарами природы. С него и спрашивать было нечего!

В. НЕМОЛЯЕВ,
режиссёр киностудии «Стереokino»

Москва.

Уважаемый Крокодил!

С тех пор как у нас в квартире установили газовую колонку, мы стали гораздо чаще мыться. Потому что ходить чумазыми по меньшей мере неприлично. А такой немислимый вид появился именно из-за колонки. Ведь она является скорей аппаратом, вырабатывающим в неограниченном количестве сажу, нежели источником горячей воды.

Хорошо ещё, что сквозь густой слой сажи, покрывшей когда-то белоснежную колонку, можно различить фабричную марку: «Завод «Искра». Город Москва».

Вот к этой «Искре», приучившей нас пользоваться мочалкой и мылом чаще, чем нужно, мы и обращаемся со словами «благодарности».

А. ЛАГОВ,
инженер

Москва.

Товарищ Крокодил!

Говорят, что железнодорожные расписания существуют для того, чтобы знать, насколько опаздывают поезда. Учитывая это, начальник 5-го отделения Литовской железной дороги тов. Любаров приказал снять расписания на станциях Калининград, Ладушкино, Мамоново. Тем самым он застраховал себя от нареканий со стороны пассажиров на то, что сутками приходится ждать поезда Калининград — Мамоново, значащегося в расписании.

Надо надеяться, тов. Любаров на этом не остановится и, ежели жалобы будут поступать и в дальнейшем, прикажет закрыть вокзалы, чтобы раз навсегда покончить с пассажирским потоком.

В. ЧИСТЯКОВ

Ладушкино,
Калининградской области.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● Читатель Крокодила написал о том, что на Сталиногорском заводе расхищается государственное имущество. Как сообщает заместитель министра химической промышленности СССР тов. Тихомиров, произведённый ревизией на заводе действительно выявлены факты бесхозяйственности и хищений. Директор завода тов. Гангрский отстранён от работы. Виновные в хищениях заместитель начальника ОКС завода Жданов и начальник лесозащитки Петров привлекаются к уголовной ответственности.

● Будучи председателем Глазовского исполкома (Удмуртской АССР), Ковалёв грубо нарушал Устав сельскохозяйственной артели. Вместо наказания Ковалёв неожиданно получил повышение и был назначен заместителем министра просвещения Удмуртской АССР. Об этом в № 23 Крокодила был помещён фельетон. Решением обкома ВКП(б) Ковалёв с работы заместителя министра снят и ему объявлен выговор.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВ (И. КУПРИЯНОВ, П. ИРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во «Правда»

Москва. Изд. № 807. Подп. к печати 22/XI 1947 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1½. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000
А — 11455. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3253 Тираж 150 000 экз.

48
3 - ДЕК 1947

8994 мс

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ОБЪЕД. ЗНЗ.
1947 г.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

КУКРЫНИКСЫ - 47

Лужная вылазка некоего военного атташе.